

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S0236200724060114

©2024 О.Л. ЛЕЙБОВИЧ, А.И. КАЗАНКОВ

В ПОИСКАХ ЙЕТИ (ОТКЛИК НА КНИГУ СЕРГЕЯ НИКОЛЬСКОГО «СОВЕТСКОЕ. ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНАЛИЗ»)

Лейбович Олег Леонидович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии. Пермский государственный институт культуры. Российская Федерация, 614000 Пермь, ул. Газеты Звезда, д. 18.
ORCID: 0000-0001-5191-939X
oleg.leibov@gmail.com

Казанков Александр Игоревич — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии. Пермский государственный институт культуры. Российская Федерация, 614000 Пермь, ул. Газеты Звезда, д. 18.
ORCID: 0000-0002-6647-5047
tokugava2005@rambler.ru

Аннотация. Статья-отклик на книгу С.А. Никольского «Советское. Философско-литературный анализ» (М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 392 с.) представляет собой диалог Олега Лейбовича (в тексте О.Л.) и Александра Казанкова (в тексте А.К.). Беседа затрагивает широкий круг вопросов, вызванных знакомством с указанным трактатом. В ходе дискуссии о возможности классификации предмета философского анализа С.А. Никольского в контексте какого-либо конкретного антропологического типа, было отмечено, что в современной российской социологии понятие «советский человек» как реальная социальная категория сформировалось в 60-е годы XX века. Присутствие этого типа в обществе до сих пор подтверждается результатами массовых опросов. Однако подобный сциентистский подход не вызывает интереса у С.А. Никольского. Для философа важно не то,

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

существовал ли советский человек (и когда он существовал), а то, что он является персонажем обширной литературной традиции. Даже если присвоить ему статус ноуменальной вещи в-себе или гипотетического снежного человека, он является законным предметом литературно-философского анализа. Методология произведенного С.А. Никольским исследования позволила ему зафиксировать в образе советского человека две фундаментальных черты: подпольность и покорность. По мнению автора, эти человеческие качества обнаружены еще русскими литературными классиками (И.С. Тургеневым, Ф.М. Достоевским, Н.С. Лесковым и др.). В ходе обсуждения выясняется, что существование субстанциальных человеческих качеств проблематично, а подпольность и покорность — социально обусловленные черты этоса самой русской пишущей интеллигенции. Свой анализ философского трактата С.А. Никольского собеседники завершают обсуждением собственно «советского» в советском человеке.

Ключевые слова: С.А. Никольский, советский человек, человек, советское, антропология, культура, литературная традиция, литератор, литературный персонаж.

Ссылка для цитирования: Лейбович О.Л., Казанков А.И. В поисках йети (отклик на книгу Сергея Никольского «Советское. Философско-литературный анализ») // Человек. 2024. Т. 35, № 6. С. 175–185. DOI: 10.31857/S0236200724060114

О.Л.: Есть древняя и почтенная философская традиция кабинетной антропологии, берущая свое начало еще в XIX столетии (вспомним Ф. Энгельса, М. Мосса). Философ читает книги энтузиастов, взявших на себя труд пожить у ирокезов, посетить Тробрианские острова или отправиться на Камчатку. Как правило, получается концептуально, ново и интересно. Но можно и по-другому, как это сделал Сергей Анатольевич Никольский. В первом томе диалогии он представил авторский вариант герменевтики, описал методики и приемы работы с текстами и заложил историко-философский фундамент своей антропологии.

А.К.: Замечу, что его исследовательская ситуация кардинально отличается от той, в которой находились его великие предшественники в минувшем столетии. Владимирскую и Ярославскую губернии Российской империи, как и Свердловскую и Куйбышевскую области СССР, не посещали скрупулезные эмпирики, наподобие А. Рэдклиффа-Брауна или, на худой конец, Л. Моргана. Зато по полям и перелескам Курской губернии некогда ходил с ружьем и собакой И.С. Тургенев.

О.Л.: Здесь необходимо обратить внимание на оригинальный и эффективный прием С.А. Никольского. В своем философско-антропологическом трактате он опирается на литературные свидетельства очевидцев (в его терминологии — «философствующих писателей») начиная с первой половины XIX века. Сергей Анатольевич принципиально избегает непосредственного контакта с изучаемым объектом — советским человеком, если он, конечно, не является литератором. Потому что именно написанные когда-то книги образуют его исследовательское поле. Никольский прекрасно ориентируется в странном мире литературных отражений и теней.

А.К.: Подобный подход мне хорошо знаком. В детстве я, как и многие советские мальчишки, был очарован поисками снежного человека. О них рассказывали в программе «Очевидное — невероятное», публиковали статьи в научно-популярных журналах, издавали брошюры, истрепанные читателями районных и школьных библиотек до дыр. Я точно знал, что это существо, которое жители Тибета называли йети, наблюдало множество очевидцев. Оно оставляло следы огромных ног на снегу, клочки шерсти в пещерах, а в одном из буддийских монастырей в Гималаях хранился (будто бы) его скальп. О нем писали античные и средневековые авторы, его снимали любительской кинокамерой. Существовала

обширная литература, посвященная йети, и в особенности его поискам. Не хватало ничтожного пустяка — самого искомого существа. Оно было недоступно банальному эмпирическому исследованию, поскольку не сидело в отдельном вольтере Сухумского обезьяньего питомника, меланхолично жуя репу и исподлбывая глядя на зевак дочеловеческими глазами. Кто-то ищет йети и сегодня, но массовый интерес публики, по всей видимости, прошел.

Почему мне вспомнились поиски снежного человека? Отвечу прямо — по аналогии. Советский человек уже превратился в то, что недоступно прямому наблюдению. От него тоже остались «следы, кусочки шерсти» и, главное, обширная литература. И эта литература обогатилась новым философским трактатом.

О.Л.: Впрочем, социологи с Вами бы не согласились. Исследовательский проект Ю. Левады и Л. Гудкова* «Советский человек» исходит из предположения о том, что советский человек сформировался в 1960-е годы и существует до сих пор: «Типологическая конструкция “советского человека” (устойчивый набор характеристик самоописания респондентов) широко распространена, хотя и не охватывает абсолютное большинство. В выраженном виде эта совокупность черт присуща 35–40% всего населения, составляющим ядро этого типа, однако в ослабленной или менее выраженной форме эти свойства человека проступают у 55–65% россиян» [Гудков, 2021: 107]*. Здесь он развивает мысль Ю. Левады о жизни советского человека в несоветском обществе [Левада, 1992: 210–211].

И не только социологи искали советского человека. Жил некогда в Германии политолог, писатель и журналист Клаус Менерт. У него были российские корни, он часто навещался в Москву, и в журналистской и близкой к ней среде слыл знатоком всего советского, в том числе и человека. Впервые он встретил его в стенах столичного вуза, посмотрел, поговорил, прочитал любезно протянутые ему дневники и сделал вывод: есть такой человек — оптимист, идеалист, энтузиаст, большевик [Mehnert, 1932: 33]. Спустя почти 30 лет он изменил свое мнение: советские граждане «...более интересуются доходами и жизненным комфортом, чем маршем к коммунизму» [Mehnert, 1962: 491]. И для Менерта в прошлом, и для многих социологов в настоящем советский человек — не абстрактное понятие.

А.К.: В вашем утверждении можно выделить два смысловых аспекта: (1) «Советский человек существовал», (2) «Советский человек существует и обживает настоящее, постсоветское время». Если первое высказывание сомнительно с точки зрения привязки к действительности, то второе — не имеет смысла. Тезис о существовании советского человека принадлежит к экзистенциальным суждениям, а они, к сожалению, не подлежат ни верификации, ни фальсификации. Обратим внимание на то, что для вышеупомянутых социологов «советский человек» — всего лишь «устойчивый набор характеристик самоописания респондентов» [Гудков, 2021: 107]*. И этот набор характеристик есть теоретический конструкт, исследуемый при помощи особых средств научного познания. Путем опросов он лишь *привязывается* к массе респондентов.

О.Л.: Вернемся к аналогии с йети. Литература о нем действительно существует, следовательно — и он *действителен*, по крайней мере, как предмет литературного описания. Если перейти на язык трансцендентальной философии И. Канта, он — просто ноуменальная вещь-в-себе, которую мы мыслим существующей, но недоступной непосредственному созерцанию. Мы наблюдаем

О.Л. Лейбович,
А.И. Казанков
В поисках йети
(отклик на книгу
С. Никольского
«Советское.
Философско-
литературный
анализ»)

* АНО «Левада-Центр» включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

лишь феномены, в которых она явлена, то есть литературу. Что и легло в основу концепции, предложенной С.А. Никольским в его новой книге.

Не умножая сущностей сверх меры, давайте подходить к советскому человеку именно так — как к литературному персонажу, наполненному определенным идейным содержанием. Автор далеко не случайно солидаризируется с высказыванием С.Л. Франка: «Объект нашего исследования — не таинственная и гипотетическая русская душа, как таковая, а ее, если можно так выразиться, объективные проявления и результаты, точнее, идеи и философы объективно и ощутимо для всех содержащиеся в воззрениях и учениях русских мыслителей...» [Франк, 1996: 163]. С.А. Никольский не скрывает того, что для него русские мыслители — это и есть русские (а также советские) писатели: И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, А.М. Горький, А. Платонов и т.д.

А.К.: У меня тоже сложилось подобное впечатление. Итак, «советский человек», а с ним и «гипотетическая русская душа» как онтологическая (или онтическая, по М. Хайдеггеру) реальность не являются предметом авторской рефлексии?

О.Л.: Разумеется. Наличное бытие уже подверглось снятию (*die Aufhebung*) в гегелевском смысле и стало фактом выразительного, художественного высказывания. Сергей Анатольевич не был первым исследователем, стремившимся «распаковать» литературный дискурс о советском человеке.

А.К.: Однажды в беседе с коллегой-философом на кафедре я услышал безапелляционный тезис, который запомнил надолго: «Для философа эмпирия — это научная теория». Однако фундаментальная онтология М. Хайдеггера убедила меня, что эмпирией для философа могут быть и язык, и литература. С. Никольский уверенно идет и тем (в первом томе) и другим (во втором) путем.

О.Л.: Наиболее ярко эта особенность авторского подхода проявилась в «выборе собеседников». Сциентист был бы вынужден детально объяснять критерии и процедуру выборки, квоты репрезентации и прочее. Вспомним слова Г.В. Плеханова: «Философия теперь не так горда, как в эпоху Давида Юма. Она считает титул научный самым почетным и не только не мечтает о монархической власти над другими науками, а скорее была бы счастлива, если бы ее бесповоротно признали равноправной гражданкой в свободной республике научной мысли» [Плеханов, 1924: 9]. Но С. Никольский отнюдь не сциентист и участвовать в состязании с социологией не расположен.

А.К.: Значит, все-таки книги?

О.Л.: Это слишком категорично. Одной из фундаментальных авторских гипотез является предположение о том, что национальная литература вырастает из той же почвы, что и национальный тип характера. В этом смысле и И.С. Тургенев, и Хорь, и Калиныч сформированы одной и той же культурной матрицей. Российская почва, по мнению С. Никольского, «представляет собой не только реальные фундаментальные условия российского бытия, но и существенную часть этого бытия — характерные черты российских типов личностей, черты разных социальных групп и слоев, привычные им реакции и сложившиеся в истории поведенческие формы» [Никольский, 2024: 7].

А.К.: Для того чтобы замкнуть этот герменевтический круг, в него стоит включить самого автора-интерпретатора. То есть понимающего, чувствующего, интеллигентного читателя, сформированного все той же культурной матрицей. Правда, ситуация внеходимости дает ему известные преимущества. Он не только понимает и Калиныча, и И.С. Тургенева, но и может различить, что именно автор «Записок охотника» понял в Калиныче неправильно. Например, анализируя важный для автора концепт подпольности, С. Никольский видит

больше, чем мог наблюдать из своей ограниченной перспективы другой русский классик: «И то, что Достоевский в определении источника главного бесовства ошибся, борясь с бесовством малым (к тому же, приписывая ему неверный либеральный источник), но фактически защищал бесовство большое, в конечном счете сыграло против России» [там же: 32].

О.Л.: Зафиксируем позицию самого автора книги. Прежде всего, он, находясь внутри литературной традиции, производит ее глубокую деконструкцию. Вступая в напряженный интеллектуальный диалог с Федором Михайловичем Д., Сергей Анатольевич Н. соглашается с его оценкой революционности («бесовство») и выясняет потаенные мотивы и ошибки своего собеседника. Главная из них — несправедливость возложения на либералов ответственности за революционный террор.

А.К.: Я бы все-таки обратил внимание на то, что автор использует разные методологические приемы. Русского крепостного крестьянина он интерпретирует через художественную оптику И.С. Тургенева. А вот Ф.М. Достоевского он понимает прямо и непосредственно.

О.Л.: Это вполне объяснимо. Автор книги и создатель эйдоса подпольного человека принадлежат к одному и тому же социальному кругу. Говоря словами М. Алданова, к «ордену русской интеллигенции».

А.К.: А разве И.С. Тургенев к этому ордену не принадлежит?

О.Л.: Бога побойтесь! Тургенев — русский барин, если к какому обществу и принадлежал, то только к светскому. Но... И здесь у С. Никольского есть маленький секрет, незаметный на первый взгляд. Автор «Записок охотника» у него редуцирован. Проще говоря, сам И.С. Тургенев в своем тексте не присутствует. Через него зримо и наглядно предьявляет себя русская действительность — природная, социальная, культурная. С интеллигентами сложнее. Они вместе с изображаемым и себя показывают. А изображая их, С. Никольский изображает себя, изображающего Достоевского, изображающего... и далее в бесконечность.

А.К.: Заговорив о писателе из интеллигенции, мы вплотную приблизились к главным темам автора: подпольности и покорности?

О.Л.: По мнению Сергея Никольского, это фундаментальные черты русского национального характера, сформированные всей российской историей, едва ли не с Чингисхана начиная. Здесь можно усмотреть отголоски давней полемики о характере российской ментальности. Автор оспаривает точку зрения, высказанную в свое время Александром Яновым: «...вечная (ох, уж эти вечные апелляции к вечности), как думали в свое время, “ментальность” оказалась на поверку, не более чем смесью реакционной пропаганды и “текущих”, так сказать, предрассудков» [Янов, 2017: 9]. Поэтому обойти вниманием подпольность и покорность мы не можем. В книге они положены в основание антропологического типа советского человека. Их анализ является, по существу, центральным элементом замысла. Напомню во избежание путаницы: мы не ведем речи о реальном советском человеке. Он для нас ноумен, или йети, если угодно. Мы говорим лишь о его литературных отражениях, следуя авторскому замыслу.

А.К.: Вы допускаете, что есть и внелитературные «зеркала», отразившие советского человека?

О.Л.: Они действительно есть. Искать их следует в столичных газетах и заводских многотиражках, в заметках рабкоров и селькоров, в «письмах трудящихся», в документальных кинохрониках, в семейных воспоминаниях и пр. Собственно, этим путем шли многие. Например, Г.Л. Смирнов [Смирнов, 1973] и его последователи: «Советский человек мог иметь любую национальность и любое происхождение. Сначала он был рабочим и красноармейцем, позже стал

О.Л. Лейбович,
А.И. Казанков
В поисках йети
(отклик на книгу
С. Никольского
«Советское.
Философско-
литературный
анализ»)

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

просто трудящимся: интеллигентом или заводским рабочим, колхозным крестьянином или служащим. Это воспетая в стихах и музыке, воплощенная в живописи, описанная в литературе особая «порода человека». В последней фазе своей эволюции советский человек предстает перед нами преимущественно в образе обывателя» [Человек советский, 2021: 18].

А.К.: Подобный подход не позволяет удержать в фокусе советского человека как такового. Он явно «дробится» на типы (красноармеец, интеллигент, обыватель и т. п.). Поэтому невозможно сосредоточиться на сущностном, субстанциальном, которое главным образом и интересует Сергея Анатольевича.

О.Л.: Вот тут-то и появляются подпольность и покорность.

А.К.: Здесь есть еще одна загадка. «Подпольность» и «покорность» являются отрицательными понятиями. Не в этическом, а в формально-логическом смысле. Смысл положительных понятий с точки зрения логики указывает на наличие признака (или признаков). Смысл отрицательного понятия, напротив, свидетельствует об отсутствии признаков или свойств. В данном случае дело обстоит именно так. Подпольность, в интерпретации Достоевского — Никольского, есть категорическая невозможность восходящего движения в любом аспекте: от карьерного до экзистенциального. Здесь пол, под которым находится человек, оказывается в действительности потолком. Замереть без движения означает умереть, направиться можно только вниз, испытывая ту самую странную «радость падения», удачно подмеченную у Ф.М. Достоевского С.А. Никольским.

О.Л.: Эта ситуация «запертости» уже была неоднократно подвергнута философскому и историческому анализу. Укажем, например, на известный труд Н. Элиаса «О процессе цивилизации», показавший парадоксальность положения немецкого интеллектуала в феодально-абсолютистском государстве: «Буржуазные элементы были оттеснены от всякой политической деятельности. Они могли самостоятельно «мыслить и сочинять», но самостоятельно действовать они не имели возможности. В этой ситуации писательство превратилось в важнейшее средство «выпускания пара». Новое самоощущение и смутное недовольство существующим положением находят здесь свое более или менее скрытое выражение» [Элиас, 2001: 73]. Н. Элиас обнаружил, как немецкие интеллектуалы вышли из подполья, изобретя оппозицию «культура versus цивилизация» и поместив себя, разумеется, на самых верхних этажах культуры.

А.К.: В России интеллигенция во времена Ф.М. Достоевского изобрела революционное подполье, что и было им засвидетельствовано. И эта сконструированная среда действительно формировала далеко не лучшие человеческие черты: «Подполье создало свои моральные нормы (позволявшие убить товарища, заподозренного в сотрудничестве с полицией), было цинично, довольно безразлично к людским судьбам и жизням, широко пользовалось манипуляциями, провокацией, ложью, демагогией. За всем этим стояли специфические корыстные корпоративные интересы профессиональных революционеров» [Эдельман, 2021: 621]. Выход из ситуации подпольности планировался не через культурную деятельность (как это произошло с немецкими интеллектуалами XIX века), а путем устранения «запиравшей» движение вверх прежней элиты.

О.Л.: Одним словом, подпольность действительно была реальна, но носила социально обусловленный характер. Подпольный этос в результате революционных событий 1917 года превратился в эталонный образец, в пример для подражания для новых поколений советской элиты. Именно этот культурный трансфер и зафиксировал С. Никольский, но через интерпретацию образа комсомольца Павла Корчагина. Таким образом, формирование «нового советского человека» в действительности не стало массовым проектом, инициированным

Октябрьским переворотом. Но и сказать, что этот переворот не имел отношения к появлению советского человека, тоже нельзя.

А.К.: Вы удачно упомянули массы. Хотел бы вернуться к этой теме. У нашего автора она разворачивается через аналитику текстов А. Платонова и М. Шолохова. Речь идет о почти ста миллионах крестьян, находившихся в совершенно «подпольной» ситуации. К сожалению, у них не было своего голоса — или своего пишущего пера. Писали не они, а о них, причем с большой дистанции. Крестьянам в советское время очень не повезло — они не только в литературе занимали объектную позицию. Они и в действительности были объектом социально-политического действия. Поэтому С. Никольский, зафиксировав свою исследовательскую позицию в интеллигентско-литературном круге, не в силах истолковать их потенциальную советскую трансформацию. Все, что дает ему оптика А. Платонова, позволяет видеть только тотальную гибель, «ничтожение», пустоту («Котлован»).

О.Л.: Но, на самом деле, «уничтожение крестьянства» — не более чем метафора. Их реальная трансформация в советских людей все-таки произойдет, но спустя десятилетия и все-таки в городской среде. Вспомним героев В.М. Шукшина. По какой-то причине эта линия становления советского пока остается лакуной в трактате С.А. Никольского, вопреки своей явной литературной оформленности.

А.К.: Можно предположить, что не только подпольность, но и покорность была частью наследия разночинцев-интеллигентов. Но откуда она в нем возникла? И почему в трактате С. Никольского ее генеалогия не подвергнута тщательному анализу?

О.Л.: Дело в том, что «быть в подполье» дает право гордиться собой. Описывая пребывание там, литераторы невольно впадали в пафос: «Я не чувствую [в Молодой гвардии и в Октябре¹] этой настороженной, сутулой тревожной походки старого подпольщика, этой немного волчьей повадки, этой сухой деловитости, этого скрытого пафоса, этой атмосферы особого содружества, семейности, за которое крестили нас в свое время ленинскими молодчиками, этой спокойной уверенности, что активный работник больше трех месяцев не держится и проваливается, этой за спиной стоящей всегда ссылки, тюрьмы, каторги, наконец, этой холодной, раз и навсегда решенной – взвешенной, но предельной ненависти к эксплуататорам всего мира и этой спаянности с трудовым коллективом человечества» [Воронский, 1929: 112–113]. Нужно было обладать мужеством Николая Алексеевича Некрасова, чтобы написать про другое: «Но живо вспомнил я тогда / Счастливой юности года, / Когда придешь, бывало, в класс / И знаешь: сечь начнут сейчас!» [Некрасов, 1967: 195]. Их секли не только в гимназии, в семинарии, но и дома по пятницам и в иные дни. Это была стыдная тайна образованного человека 1870–1890 годов XIX века. Мы имеем дело с принципиально «поротым» поколением.

А.К.: Следовательно, здесь тоже имеет место трансфер. Но не культурный (как в случае с подпольностью), а сугубо психоаналитический: это свое неприличное качество русские классики переносили в крестьянство. Очень удачно связь порки с «сермяжной правдой» продемонстрировал небезызвестный персонаж «Золотого теленка» Васисулий Лоханкин:

«— Но ведь они, кажется, ввели здесь телесные наказания?»

О.Л. Лейбович,
А.И. Казанков

В поисках йети
(отклик на книгу
С. Никольского
«Советское.
Философско-
литературный
анализ»)

¹ Имеются в виду журналы «Октябрь» и «Молодая гвардия». Последний представлял ЦК РКСМ. К 1927 году оба этих издания были в руках «напостовцев» (от названия издаваемого ими журнала «На посту»), яростно нападавших на основателя журнала «Красная новь» А.К. Воронского — покровителя и защитника «попутчиков» от всякого рода ревнителей пролетарской чистоты. Большого террора Воронский не пережил.

— Ах, — сказал Лоханкин проникновенно, — ведь в конце концов, кто знает? Может быть, так надо. Может быть, именно в этом великая сермяжная правда?» [Ильф, Петров, 1961: 155–156].

О.Л.: Сергей Никольский с полным основанием обнаружил обе части расщепленного интеллигентского этоса, найденные им в литературной традиции, соединил их снова и положил в основание своей концепции советского человека.

А.К.: Но ведь чего-то не хватает, согласитесь? Того, что составляет «составленно советское» в советском человеке?

О.Л.: Разумеется. Не хватает мифологии.

А.К.: Мифологии?!

О.Л.: Да. И наш автор честно об этом сообщает, анализируя военную прозу А.И. Солженицына: «Очевидно, что в этом сюжете Солженицын, как мало кто из иных философствующих писателей-фронтовиков, выходит на важную тему — наличия в послеоктябрьском советском обществе новой, во многих отношениях честной генерации молодых людей, воспитанных культурой и идеологией так, что все происходящее они видят исключительно в “правильном”, сочиненном властью, свете» [Никольский, 2024: 225]. Способность воспринимать советскую действительность через идеологический миф — это как раз и есть та черта, которая отличает литературных персонажей советской эпохи.

А.К.: А эти люди на самом деле существовали?

О.Л.: Это неразрешимый в пределах авторской герменевтики вопрос. Напомню о вещи-в-себе.

А.К.: Тем не менее Сергей Анатольевич сумел выявить и подвергнуть критическому анализу указанную выше позицию. Идеология, по мнению автора, не должна замещать и вытеснять реальность, даже если она опирается на авторитет вождя («сталинскую правду») и закрепляется вездесущей пропагандой. «Идеологические» герои не удавались никому, включая А.И. Солженицына, — С. Никольский достаточно строг к его Ивану Денисовичу.

О.Л.: И при этом Солженицын ему явно симпатичен. Вот тут-то и проявляется суть авторской позиции. Это внепартийная, свободная критическая теория. Это по-настоящему философский подход. Когда-то еще Аристотель считал, что только один вопрос о любой вещи достоин философа: *что* она есть, то есть вопрос о сущности, «чтойности». Все остальные вопросы о том, *какова* она. Никольский, конечно, говорит о том, *каков* советский человек: в нем автор находит фанатизм, веру, фантазию. Но эти качества — вместе и по отдельности — легко обнаруживаются у жителей других мест и времен. Лучше автору удастся схватывание *сущности* на основе нелицеприятной критики.

А.К.: Мне представляется, что его «советский человек» именно поэтому является близнецом «одномерного человека» Герберта Маркузе [Маркузе, 2003].

О.Л.: Но непохожим близнецом. Однако причисление С.А. Никольского к представителям современной критической теории представляется вполне обоснованным. Мне всегда была симпатична страстная интеллигентская полемика.

А.К.: И книжность, разумеется. И присущая интеллигенту самокритичность. Только не кажется ли Вам, что книга попала не в свое время?

О.Л.: Так сам автор этого не скрывает: «В третий раз за XX век российские традиционные константы доказали свою неуничтожимость, а власть и народ — неизменность своей природы» [Никольский, 2024: 293].

А.К.: Но радуется, что и философия в России никуда не делась, жива.

In Search of Yeti (A Response to Sergei Nikolsky's Book "The Soviet. Literary and Philosophical Analysis")

Oleg L. Leibovich

DSc in History, professor, Head of the Department of Cultural Studies and Philosophy.
Perm State Institute of Culture.

18 Gazety Zvezda str., Perm 61400, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-5191-939X

oleg.leibov@gmail.com

Aleksandr I. Kazankov

CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy.
Perm State Institute of Culture.

18 Gazety Zvezda str., Perm 61400, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-6647-5047

tokugava2005@rambler.ru

Abstract. The response article to the book by S.A. Nikolsky "Soviet Philosophical and Literary Analysis" is a dialogue between Oleg Leibovich and Alexander Kazankov. The conversation covers a wide range of topics related to reading the specified treatise. Firstly, the possibility of classifying S.A. Nikolsky's philosophical analysis as a real anthropological type is discussed. According to modern Russian sociologists, the Soviet man emerged in the 1960s and his presence in society can be confirmed by mass surveys. However, this scientific approach is not interesting for S.A. Nikolsky, as both interlocutors point out. For a philosopher, it is not a question of whether or not the Soviet person existed, but rather who he was and what his role in literature was. Even if you assign it the status of a noumenal thing-in-itself or a hypothetical Bigfoot, it is a legitimate subject for literary and philosophical analysis. S.A. Nikolsky's methodology allowed him to identify two fundamental features in the image of the Soviet man: clandestine and submissive. According to the author, these human qualities were discovered by Russian literary classics (I.S. Turgenev, F.M. Dostoevsky, N.S. Leskov, etc.). During the discussion, it turns out that the existence of substantial human qualities is problematic, and clandestinity and submission are socially conditioned features of the ethos of the Russian writing intelligentsia itself. The interlocutors conclude their discussion of S.A. Nikolsky's treatise on Soviet man with a discussion on the actual "Sovietness" of Soviet man.

Keywords: S.A. Nikolsky, soviet human, soviet, human, anthropology, culture, literary tradition, writer, literary character.

For citation: Leibovich O.L., Kazankov A.I. In Search of Yeti (A Response to Sergei Nikolsky's Book "The Soviet. Literary and Philosophical Analysis") // Chelovek. 2024. Vol. 35, N 6. P. 175–185. DOI: 10.31857/S0236200724060114

Литература/References

Воронский А. Литературные портреты: в 2 т. Т. 2. М.: Федерация, 1929.

Voronsky A. *Literaturnye portrety*; v 2 t. [Literary Portraits: in 2 Vols.]. Vol. 2. Moscow: Federatsiya Publ., 1929.

Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2002.

Gordin Ya.A. *Dueli i duelyanty* [Duels and Duelists]. St. Petersburg: Pushkin Foundation Publ., 2002.

Гудков Л. Иллюзии выбора: 30 лет постсоветской России. Рига, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2022/03/06/illyuzii-vybora-30-let-postsovetsoj-rossii-novaya-kniga-lva-gudkova/?ysclid=m2uf41rz8b9500217272> (дата обращения: 25.10.2024).

О.Л. Лейбович,
А.И. Казанков
В поисках йети
(отклик на книгу
С. Никольско-
го «Советское.
Философско-
литературный
анализ»)

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Gudkov L. *Ilyuzii vybora: 30 let postsovetsoi Rossii* [Illusions of Choice: 30 Years of Post-Soviet Russia]. Riga, 2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.levada.ru/2022/03/06/illyuzii-vybora-30-let-postsovetsoj-rossii-novaya-kniga-lva-gudkova/?ysclid=m2uf41rz8b9500217273> (date of access: 25.10.2024).
- Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1961.
Ilf I., Petrov E. *Zolotoj telenok* [The Golden Calf]. Ilf I., Petrov E. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected Works: in 5 Vols.]. Vol. 2. Moscow: GIHL Publ., 1961.
- Левада Ю. Уходящая натура? // Знамя. 1992. № 6. С. 201–211.
Levada Yu. Ukhodyashchaya natura? [A departing nature?]. *Znamya*. 1992. N 6. P. 201–211.
- Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ. А.А. Юдина. М.: АСТ, Ермак, 2003.
Marcuse H. *Odnomernyi chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society], transl. from English by A.A. Yudin. Moscow: AST, Ermak Publ., 2003.
- Некрасов Н.А. Полное собрание стихотворений: в 3 т. Т. 2. Л.: Советский писатель, 1967.
Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie stikhotvorenii: v 3 t.* [The complete collection of poems: in 3 vols.]. Vol. 2. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1967.
- Никольский С.А. Советское. Философско-литературный анализ. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024.
Nikolsky S.A. *Sovetskoe. Filosofsko-literaturnyi analiz* [The Soviet. Philosophical and Literary Analysis]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2024.
- Плеханов Г.В. Философская эволюция Маркса. Посмертная рукопись с предисловием Л. Аксельрод // Группа «Освобождение труда» (из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча) / Под ред. Л.Г. Дейча. Т. 2. М., Л.: Госиздат, 1924. С. 5–21.
Plekhanov G.V. *Filosofskaya evolyutsiya Marksa. Posmertnaya rukopis' s predislovиеm L. Aksel'rod* [The philosophical evolution of Marx. A posthumous manuscript with a preface by L. Axelrod]. *Gruppa «Osvobozhdenie truda» (iz arkhivov G.V. Plekhanova, V.I. Zasulich i L.G. Deicha)* [The Group "Liberation of Labor" (from the Archives of G.V. Plekhanov, V.I. Zasulich and L.G. Deich)], ed. by L.G. Deich. Vol. 2. Moscow, Leningrad: Gosizdat Publ., 1924. P. 5–21.
- Смирнов Г.Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М.: Политиздат, 1973.
Smirnov G.L. *Sovetskii chelovek. Formirovanie sotsialisticheskogo tipa lichnosti* [Soviet Person. Formation of the Socialist Type of Personality]. Moscow: Politizdat Publ., 1973.
- Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996.
Frank S.L. *Russkoe mirovozzrenie* [Russkoe mirovozzrenie]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1996.
- Человек советский: за и против. Монография / Под общ. ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2021.
Chelovek sovetskii: za i protiv. Monografiya [Homo soveticus: pro et contra. Monograph], Yu.V. Matveeva, Yu.A. Rusina (eds.). Ekaterinburg: Ural University Publ., 2021.
- Эдельман О. Сталин. Биография в документах (1878 — март 1917): в 2 ч. Ч. II: лето 1907 — март 1917 г. М.: Издательство Института Гайдара, 2021.
Edelman O. *Stalin. Biografiya v dokumentakh (1878 — mart 1917): v 2 ch. Ch. II: leto 1907 — mart 1917 g.* [Stalin. Biography in Documents (1878 — March 1917): in 2 Parts. Part II: Summer 1907 — March 1917]. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2021.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада / Пер. с нем. А.М. Руткевича. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

³ АНО «Левада-Центр» включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Elias N. *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya. T. 1. Izmeneniya v povedenii vysshego sloya miryan v stranakh Zapada* [On the Process of Civilization. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Vol. 1. Changes in the Behavior of the Upper Stratum of The Laity in Western Countries], transl. from German by A.M. Rutkevich. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ, 2001.

Янов А.Л. Спор о «вечном» самодержавии: от Грозного до Путина. М.: Новый Хронограф, 2017.

Yanov A.L. *Spor o «vechnom» samoderzhavii: ot Groznogo do Putina* [The Dispute about the "Eternal" Autocracy: from Grozny to Putin]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2017.

Mehnert K. *Die Jugend in Sowjetrussland*. Berlin: S. Fischer, 1932.

Mehnert K. *Der Sowjetmensch. Versuch eines Porträts nach zwölf Reisen in die Sowjetunion 1929–1957*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1962.

О.Л. Лейбович,
А.И. Казанков
В поисках йети
(отклик на книгу
С. Никольско-
го «Советское.
Философско-
литературный
анализ»)